

Алистер Кроули

Берешит

Очерк онтологии

с несколькими замечаниями по вопросам церемониальной магии

*Ты, человек дерзновенный, искусно природой изваян.
... Тем же путем, что и всякие вещи простые,
это тебе не постичь.
— Оракулы Зороастра¹*

Представляя миру эту теорию Вселенной, я надеюсь лишь на одно ее достоинство, способное произвести хоть сколько-нибудь глубокое впечатление, а именно — на то обстоятельство, что теория моя объясняет различия между тремя великими формами религии, ныне существующими в мире: буддизмом, индуизмом и христианством, — и позволяет примирить их с наукой онтологии посредством умозаключений математического, а не мистического характера. Касаться здесь магометанства я не намерен, ибо, с какой бы точки зрения мы ни решили рассмотреть его (и его эзотерические школы, зачастую вполне ортодоксальные), оно в любом случае подпадет под определение одного из трех философских направлений — нигилизма, адвайтизма или двайтизма.

Приступив к рассмотрению обычной гипотезы о вселенной, постулирующей ее бесконечность — или, по крайней мере, бесконечность Бога, некоей субстанции или реально существующей идеи, — мы прежде всего столкнемся с вопросом о возможности сосуществования Бога и человека.

Для христианина в категорию реально сущего входят (наряду с другими объектами, рассмотрение которых лежит за рамками наших нынешних задач) Бог как некая бесконечная сущность, человек и Сатана; последние две сущности предположительно конечны. Все это — не различные аспекты единой сущности, а отдельные и даже антагонистические друг другу существа. Все они в равной мере реальны; мистиков наподобие Кэрда² невозможно признать ортодоксальными толкователями религии Христа.

Индуисты относят к этой категории Брахму — простирающегося в бесконечность во всех измерениях и направлениях и, по сути, неотличимого от Плеромы гностиков, — и Майю, иллюзию. В определенном смысле это можно трактовать как антитезу ноумена и феномена, в которой ноумен лишается всех предикатов и почти растворяется в *Nichts*³, сохраняя, однако, при этом название «*Alles*»⁴. (Ср. рассуждение Макса Мюллера о метафизической нирване во вступительном очерке к его переводу «Дхаммапады»⁵.) Что касается буддистов, то они не высказывают на этот счет никакого особого мнения.

¹ «Халдейские оракулы», §§94, 167.

² Кэрд, Джон (1820—1898) — шотландский теолог, автор труда «Введение в философию религии» (1880) и проповедей, посвященных, в том числе, проблеме соотношения Бога и тварного мира. Странник теории имманентности божества миру; исследовал философию Спинозы и разделял многие его убеждения.

³ «Ничто» (нем.).

⁴ «Всё» (нем.).

⁵ «The Dhammapada» (trans. Max Müller). // *The Sacred Books of the East*. Vol. X. Oxford, The Clarendon Press, [1881]. Подразумевается буддийская концепция нирваны как «угасания», прекращения всех состояний.

Попытаемся оценить онтологические силы объектов, принимаемых за реально сущие в учении первой и второй религий соответственно. При этом будем иметь в виду, что христианский Бог бесконечен, однако рассмотрим и гипотетическую альтернативу — предположение о его конечности. В любой статической системе сил можно суммировать их все и представить в виде треугольника или ряда треугольников, в конечном счете, опять же, сводящихся к одному. Любую динамическую систему сил можно преобразовать в статическую, добавив к ней силу, равную по модулю, но противоположную по направленности равнодействующей всех сил системы. Любая из сил, входящих в статическую систему, будет равна по модулю равнодействующей всех остальных. Если мы представим *x*, предназначение вселенной, как равнодействующую сил Б, С и Ч (Бог, Сатана и Человек), то Ч, в свою очередь, окажется равнодействующей сил Б, С и *-x*. Таким образом, любую из этих сил можно будет принять за верховную, и для того, чтобы поклоняться лишь какой-либо одной из них, не останется никаких оснований. Все они окажутся конечными. Христиане прекрасно осознают этот аргумент; именно поэтому мелкий божок Книги Бытия постепенно эволюционировал и, дойдя до наших дней, превратился в некий неосязаемый, хотя и внутренне противоречивый призрак. Но если допустить, что сила Б бесконечна, то остальные силы не смогут оказывать на нее никакого влияния. Как замечает Хьюэлл, по странному совпадению предвосхищая метр «*In Memoriam*», «нет на земле силы, способной вытянуть шнур, пусть и наитончайший, в линию, что оказалась бы идеально прямой»⁶.

Таким образом, определение Бога как бесконечной сущности подразумевает нереальность человека, а признание его конечным лишает христианина всех привычных оснований для поклонения, хотя лично я на его месте, пожалуй, смог бы подыскать бы пару-тройку новых причин, и достаточно веских. (Впрочем, рассчитывать, что он обратится ко мне за помощью, не приходится.)

Губительное для всякого культа равновесие между Богом и человеком, к которому мы приходим в итоге, разумеется, абсурдно. Нам придется отвергнуть его, дабы не впасть в позитивизм, материализм или иную подобную ересь. Но если мы, таким образом, заявляем, что Бог бесконечен, как тогда быть с человеком и Сатаной (если не принимать последнего за неотъемлемую часть Бога)? Ошибка таится не в моем (между прочим, всецело ортодоксальном) доказательстве абсурдности конечного Бога, а в предположении о том, что человек обладает некой онтологической силой⁷.

Как я уже намекал выше, если хотя бы одна из сил нашей механической системы бесконечна, то остальные — пусть даже сколь угодно могучие — не имеют ни малейшего значения ни с относительной, ни с абсолютной точки зрения.

В каких бы категориях мы ни рассуждали, наличие бесконечного исключает возможность существования конечного, если только последнее не является неотъемлемой частью первого.

В категории реально сущего гипотеза о бесконечности пространства (все еще не подтвержденная до конца) допускает два предположения о материи: материя либо заполняет собою все пространство, либо нет. В первом случае материя бесконечно велика, во втором — бесконечно мала. И в этом втором случае оказывается, что размер материальной вселенной не имеет равным счетом никакого значения: будь ее диаметр 10^{10000} световых лет или всего полмили — неважно; все равно она сути своей Ничто. Противоречащая математическим выкладкам иллюзия ее существования — и есть то, что индустристы называют Майей.

⁶ Хьюэлл, Уильям (1794—1866) — английский ученый, теолог, философ и историк науки. Упомянув о «метре *“In Memoriam”*», Кроули иронизирует над известным циклом стихотворений Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» («Памяти А[ртура] Г. Г[аллама]», 1833—1850).

⁷ См. труды Луллия, Декарта, Спинозы, Шеллинга. — *Примеч. А. Кроули.*

Если же, наоборот, материальная вселенная бесконечно велика, то в ней не остается места Брахме и христианскому Богу: в этом случае исключается существование религии.

Взглянем теперь на проблему под другим углом. Индуисты, несмотря на все свои усилия, не могут вразумительно объяснить, почему Майю следует считать причиной всех страданий. Их позиция в корне слаба, но в защиту их можно сказать, что они хотя бы пытались согласовать свою религию со здравым смыслом. Но христиане, даже сообразив, к чему неизбежно приведет манихейская ересь⁸, и растоптав ее в зародыше, так и не приняли официально аналогичного догмата по вопросу о человеке — не отвергли существования человеческой души как отдельной от души божественной.

Однако это сделали за них Трисмегист, Ямвлих, Порфирий, Бёме и прочие мистики в массе своей, хотя подчас и со вполне объяснимыми оговорками, напоминающими те, к которым иногда прибегают, собственно, веданисты.

С исчезновением человека из категории реального сущего окончательно исчезает и Бог как Личность. Бог превращается в Атмана, Плерому, Айн Соф и тому подобное, каким бы именем мы это ни назвали, оказываясь бесконечным во всех направлениях и по всем категориям. Если мы станем это отрицать, то разрушим всю вышеприведенную цепь доказательств и попросту вернемся на исходную двайтистскую позицию.

Я глубоко сочувствую моему бедному другу, преподобному Мэнселу б.б.⁹, с его душераздирающими жалобами на логические выводы адвайты. Но если исходить из его же собственной отправной гипотезы о бесконечности Бога, бесконечности пространства, времени и так далее, то ни к каким иным выводам прийти попросту невозможно. Декан Мэнсел загнал себя в безвыходное положение: он не может ни отказаться от своих предпосылок, ни оспорить истинность вытекающих из них логических выкладок, но в ужасе отшатывается от заключений, к которым эти выкладки неизбежно приводят. В конце концов он высказывает предположение, что во всем этом наверняка где-то кроется ошибка, и делает вывод, что разум нужен только для того, чтобы осознать собственное ничтожество в сравнении с верой. Как справедливо отмечает Дойсен¹⁰, вера в христианском понимании — это всего лишь способность в чем-либо убедиться, не имея на то достаточных оснований¹¹. Очевидно, что это — последнее прибежище некомпетентности.

Однако, несмотря на то, что с точки зрения фундаментальной гипотезы о бесконечности пространства и т.д. недвойственная позиция ведантистов и великих немецких философов неоспорима, на практике двайтисты имеют над ними огромное преимущество. Фихте и иже с ним выбиваются из последних сил в попытках придать простоту и наглядность рассуждениям наподобие следующего: «Если не существует ничего, кроме Эго, то где найдется место хотя бы самым необходимым и обыденным житейским делам, не говоря уже о морали и религии (без которых, впрочем, можно без труда обойтись)? С какой стати бесконечное Эго будет наполнять какое-то несуществующее тело мнимой пищей, приготовленной в его воображении на иллюзорном

⁸ Сатана как реально сущая и самостоятельная сила зла; нижний треугольник Гексаграммы. — Примеч. А. Кроули.

⁹ Энциклопедия «Британника». // Искусство. // Метафизика. — Примеч. А. Кроули.
Мэнсел, Генри Лонгвилль (1820—1871), б[акалавр] б[огословия] — английский философ и теолог, автор статьи «Метафизика» в энциклопедии «Британника» за 1860 год; с 1868 года — декан собора Святого Павла.

¹⁰ «Начала метафизики», Макмиллан. — Примеч. А. Кроули.
Дойсен, Пауль Якоб (1845—1919) — немецкий востоковед, санскритолог и философ, последователь Шопенгауэра, друг Ницше и свами Вивекананды. Автор ряда трудов по философии индуизма. Его работа «Начала метафизики» (1877) была опубликована в английском переводе в 1894 году издательством «Макмиллан».

¹¹ Или, как сказал один мальчик из воскресной школы, «веровать — значит, знать, что это неправда, но все равно верить». Но мне приятнее было процитировать Дойсена, потому что это едва ли не единственная фраза из всех его сочинений, с которой я могу согласиться. — Примеч. А. Кроули.

огне воображаемым поваром, которого тоже на самом деле не существует? С какой стати бесконечная сила будет действовать столь ограниченными конечными средствами, которые, к тому же, далеко не всегда себя оправдывают?»

К чему в итоге сводится позиция ведантистов? «Я» в обыденном понимании есть иллюзия. В действительности же истинный «Я» есмь Бесконечность. Если бы только иллюзорный «я» смог осознать, Кто «Я» такой на самом деле, то-то бы всем нам привалило счастья! Но пока этого не случилось, нам по-прежнему докучают карма, реинкарнация и все могущественные законы природы — действующие невесть где и невесть на что!

В системе адвайты не остается места ни для поклонения божеству, ни для морали. Все пышные славословия «Бхагавад-гиты» и этические труды западных адвайтистов — лишь более или менее сознательные искажения философии недвойственности. Но против простого практического аргумента все философские ухищрения бессильны: широкие дула двайтистских пушек надежно защищают форт Этики от всех метафизиков, норовящих потоптаться на все еще довольно зеленых лужайках религии.

И сам тот факт, что апологетам адвайты приходится уделять защите своих убеждений столько времени и сил, что она требует от них таких обильных размышлений, такой огромной эрудиции и изобретательности, — лучшее доказательство того, сколь их позиция на самом деле тщетна.

Следовательно, в ней где-то кроется изъян. И мне ничего не остается, как отважно поднять перчатку, брошенную мне в лицо всюю мудростью предков, и обратиться к самым примитивным понятиям дикарей-каннибалов, — иначе говоря, оспорить все наиважнейшие предпосылки и аксиомы, что оставались ходовой монетой в философии на протяжении веков, и представить, наконец, читателю мою теорию.

Ясно предвидя одно затруднение, изложу его заблаговременно. Если мои выводы на этот счет покажутся неприемлемыми, нам, как ни досадно, останется лишь вернуться на исходные агностические позиции и пойти поискать себе Мессию в другом месте. Но если по этому пункту мы сойдемся во мнениях, то дальше, полагаю, все пойдет без сучка без задоринки.

Итак, представьте себе¹² Тьму! Вправе ли мы с философской, да и с обычной практической, точки зрения утверждать, что тьма, возникшая вследствие интерференции света, тождественна тьме как отсутствию света вообще?

Тождественна ли Единица нулю целых и девятьсот девяноста девяти тысячных в периоде?

Подразумеваем ли мы разные вещи, говоря, соответственно, о синусе 60° , помноженном на два, и о кубическом корне из трех?

Уголь и алмаз, очевидным образом, отличаются друг от друга по категориям цвета, твердости, особенностей кристаллической решетки и так далее; но разве по категории истинной сути они не тождественны?

Третий из этих четырех примеров — на мой взгляд, самый лучший. $2\sin 60^\circ$ и $\sqrt{3}$ суть объекты иррациональные — иными словами, непостижимые, по крайней мере для человеческого разума на его нынешней стадии развития. Будучи переведены в обычную десятичную форму, оба они лишаются всякого смысла; в исходной же записи оба имеют смысл, но различный для каждой формы представления.

Итак, у нас есть два выражения. Оба они иррациональны, оба непостижимы, но при этом оба обозначают для нас некие вполне доступные пониманию идеи, которые не тождественны друг другу (и это главное!), хотя в действительности идентичны и могут быть преобразованы друг в друга посредством рассуждений, имитирующих или подменяющих собою подлинное понимание, которое (надо полагать) так и останется для нас недоступным.

¹² На голых рационализациях здесь далеко не уедешь. Но если внимательно и упорно изучать тонкие нюансы и различия, лежащие в основе всех этих примеров, в нас так или иначе может пробудиться интуитивное, или непосредственное, восприятие искомой сути. — *Примеч. А. Кроули.*

Попробуем приложить эту мысль к тому Началу всего сущего, о котором христиане откровенно лгут, индуисты говорят уклончиво, а буддисты благоразумно умалчивают, не вступая благодаря этому в противоречие даже с самыми примитивными и нелепыми свидетельствами самых эксцентричных индуистских визионеров.

Каббалисты описывают эту «Первопричину»¹³ следующим образом: «От 0 к 1, как круг размыкается в линию». Христианская догма, в сущности, не противоречит этому описанию, так как и христиане, и каббалисты исходят из представления о некоем предсущем и вечносущем Божестве. Но каббалисты избегают ловушки, скрытой в таком предположении, называя это латентное Божество именем «Нет». Позднейшие комментаторы и, не в последнюю очередь, достославный¹⁴ Макгрегор Мазерс, толкуют это «Нет» как «небытие». При всем моем глубочайшем уважении к интеллектуальным и духовным заслугам того, кого мне, к вящей гордости моей, было дозволено именовать учителем¹⁵, я все же должен высказать здесь собственную точку зрения, а именно: когда каббалисты говорят «Ничто», они имеют в виду только «Ничто» и ничего больше. Утверждая это, я фактически заявляю, что мне удалось заново открыть давно утраченную, но наиважнейшую Тайну этих божественных философов.

В сущности, я нимало не возражаю против конечного бога или богов, отличных от людей и неодушевленных предметов. Более того, лично я верю в них во всех и признаю, что они обладают немислимой, хотя и не бесконечной силой.

Буддисты признают существования Махабрахмы, но полагают, что его власть и знания не абсолютны и день его, пусть и длиною в целую эпоху, рано или поздно подойдет к концу. Я же нахожу повсюду — и даже в нашей искаженной и искаленной версии иудейских священных писаний — свидетельства того, что власть Яхве была во всех отношениях ограниченной. Например, сразу после Грехопадения Тетраграмматон Элохим был вынужден поспешно призвать ангелов на защиту Древа Жизни, дабы не выставить себя лжецом. Ведь если бы Адаму пришлось в голову вкусить и от второго Древа, прежде чем его преступление раскрылось, или же если бы Змею было известно о свойствах его плодов, то Адам, несомненно, остался бы жить и не умер. Таким образом, лишь чистая случайность спасла остатки и без того уже подмоченной репутации Яхве, этого племенного божка евреев.

Когда Будду спросили о том, как возникло все сущее, он промолчал, а ученики весьма кстати истолковали его молчание как знак того, что ответ на этот вопрос не послужит им в назидание.

С моей точки зрения, Будда (без сомнения, не знавший алгебры) был достаточно подкован в философии и достаточно опытен в делах житейских, чтобы отдавать себе отчет, что любую систему, с проповедью которой он мог бы выступить, тотчас же поднимут на смех и уничтожат его многочисленные оппоненты, среди которых имелись представители самых разнообразных философских школ.

Учение, которое предложил он сам, вкратце сводится к следующему: «Как, почему и для чего все это возникло, мы не знаем; однако мы знаем, что мы — здесь и что нам это не нравится, но изо всего этого безобразия есть выход — так давайте же поскорее им воспользуемся!»

Однако я не привык сдаваться так быстро; я сказал себе, что не отступлюсь и буду биться над этим грандиозным вопросом до тех пор, пока его не решу. И вот, наконец, ответ найден — и разум мой, наконец, свободен от бремени прошлых заблуждений.

Эй, подходи-налетай! Распродаю втридешева! Старые аргументы — за новые!
Я УТВЕРЖДАЮ: КАББАЛИСТИЧЕСКИЙ НУЛЬ АБСОЛЮТЕН.

¹³ Старательно избегая самого этого термина. — *Примеч. А. Кроули.*

¹⁴ Это выражение было употреблено в первом издании; я оставляю его здесь как злую шутку. — *Примеч. А. Кроули.*

¹⁵ См. предыдущее примечание. — *Примеч. А. Кроули.*

Говоря, что Космос произошел из нуля, какой именно нуль мы имеем в виду? Под нулем в обычном смысле слова мы понимаем «невключенность ни в какие категории».

Услышав выражение «Кошек с двумя хвостами нет», можно было бы сделать традиционную ошибку и решить, что «Отсутствие кошек обладает двумя хвостами». Но в действительности подразумевается совсем другое, а именно — «Кошка не входит в категорию объектов, обладающих двумя хвостами».

Ничто — это то, к чему не применимо никакое определяющее высказывание. Невозможно с чистой совестью заявить: «Ничто — зеленое», или «тяжелое», или «сладкое».

Возьмем для примера пять категорий: время, пространство, существование, тяжесть и голод¹⁶. Если, допустим, человек тяжел и голоден, он будет входить во все эти категории — не считая, разумеется, многих других. Но предположим, что у нас есть только эти пять. Обозначим самого этого человека знаком X ; тогда его формула будет выглядеть как $X^{b+p+c+r+g}$. Если он поест, то выйдет из категории голода; если затем изолировать его от времени и силы тяготения, его формула сократится до X^{p+c} . Если же он, вдобавок, еще и перестанет существовать и занимать место в пространстве, его формула превратится в X^0 . Это выражение равно 1; каково бы ни было значение X , при возведении его в нулевую степень (а возведение в нулевую степень — это математическое выражение исключения объекта из всех категорий или лишения его протяженности в каком бы то ни было измерении) результатом станет Единица, а неизвестный фактор X исключится из рассмотрения вовсе.

Именно таким видится адвайтистам будущее человека: его личность, избавленная от всех качеств, растворяется и исчезает, а на ее месте возникает безличная Единица — Плерома, Парабрахма или Аллах магометан, поклоняющихся Единому. (Для мусульманского факира Аллах абсолютно безличен.)

Единица же при любых подобных операциях остается неизменной — независимо от того, включается она в какие-либо категории или нет. Однако мы уже договорились, что будет искать Начало, не имеющее Причины, в Нуле.

Итак, если «до начала веков и дней»¹⁷ действительно был Нуль, то ЭТОТ Нуль НЕ ВХОДИЛ НИ В ОДНУ КАТЕГОРИЮ, ПОТОМУ ЧТО ЕЩЕ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО НИКАКИХ КАТЕГОРИЙ, В КОТОРЫЕ ОН МОГ БЫ ВОЙТИ! Если бы наш Нуль был обычным математическим нулем, то его нельзя было бы признать абсолютным, поскольку математический нуль, как показано выше, зависит от наличия категорий. Допущение о том, что категории тогда уже существовали, противоречит нашей исходной посылке, гласящей, что не было ничего, кроме Нуля. Нам необходимо как-то описать состояние, в котором этот Нуль был бы подлинно абсолютным. Необходимо избавиться не только от всех объектов, но и от всех предикатов. В математике под нулем в действительности понимается 0^n , где n — последний член некоей натуральной шкалы измерений, категорий или предикатов. Следовательно, наше Мировое Яйцо, из которого возникло нынешняя вселенная, — Ничто, не включенное ни в какие категории, — может быть представлено графически как 0^0 . Однако в такой форме это выражение бессмысленно. Попробуем выявить его смысл посредством несложных математических операций:

$$0^0 = 0^{1-1} = \frac{0^1}{0^1}$$

$$\text{Умножим результат на } 1 = \frac{n}{n}.$$

¹⁶ Вопрос о том, насколько уместно представлять категории в виде измерений, здесь обсуждаться не будет. Это очевидно любому, кто изучал интегральное исчисление или хотя бы понимает геометрическое значение выражения x^4 . — *Примеч. А. Кроули.*

¹⁷ Цитата из драматической поэмы Э.Ч. Суинберна «Аталанта в Калидоне» (рус. пер. В. Исакова).

И получим: $\frac{0^1}{n} \times \frac{n}{0^1} = 0 \times \infty$.

Если же умножить бесконечно большое число на бесконечно малое, то в результате получится НЕКОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ, НО КОНЕЧНОЕ ЧИСЛО, ВКЛЮЧЕННОЕ В НЕИЗВЕСТНОЕ КОЛИЧЕСТВО КАТЕГОРИЙ. Когда подобная Великая Инверсия — превращение самой сути «ничто» в конечный объект, включенный в категории, не поддающиеся исчислению, — совершилась с нашей вселенной, результатом оказалась неизмеримо огромная система. Но это произошло по чистой случайности. Именно чистый случай (в самом точном смысле этого слова) в ответе за то, что наш мир полон богов, людей, звезд, планет, демонов, цветов, сил и прочих ингредиентов Космоса и что в нем есть время, пространство и причинность — условия, ограничивающие и так или иначе затрагивающие все его объекты¹⁸.

Напомню, что утверждать о нашем 0^0 , что он существовал, столь же неправомерно, сколь и заявлять, что его не существовало. До самой идеи существования тогда было еще точно так же далеко, как до идеи жареного сыра.

Но если выражение 0^0 конечно или, по крайней мере, имеет конечную фазу, то наша вселенная также конечна; конечны сами ее категории; и выражение «бесконечное пространство» оказывается логическим противоречием. Идея абсолютного и бесконечного Бога отправляется на свалку заблуждений — туда, где самое место подобным ей порочным и пагубным прегрешениям против истины. Сама по себе бесконечность сохраняется — но исключительно как математическое понятие, в природе столь же невозможное, как квадратный корень из -1. Разумеется, против всех этих математических, или полуматематических, рассуждений можно возразить, что вся наша система чисел и манипуляций с ними — не более чем набор условностей. Утверждая, что квадратный корень из трех — число иррациональное, я прекрасно знаю, что это верно лишь по отношению к ряду чисел 1, 2, 3 и так далее и что этот ряд, в свою очередь, окажется иррациональным по отношению к какому-нибудь ряду, основанному на $\sqrt{3}$ и состоящему из таких элементов, как $\sqrt{3}$, π , $\sqrt[3]{50}$ и так далее. С теоретической точки зрения, это верно, но на практике — абсурдно. Если мне нужно обозначить неким символом количество предметов a , b или c , совершенно неважно, какой знак я для этого использую 3 или $\sqrt[3]{50}$; сама идея от этого не изменится; а мы с вами ведем речь об идеях, основополагающих для сознания, — о таких идеях, с которыми мы и в первом приближении, и по самому большому счету волей-неволей соотносим всё и вся.

Поэтому вышеприведенное тождество¹⁹, сколь бы фантастическим, на первый взгляд, оно ни казалось, находит точную и совершенную параллель в логике. А именно: применим двойное отрицание к высказыванию «Некоторые книги находятся на столе». Иными словами, присовокупим отрицание к обоим его членам — и мы получим: «Отсутствие книг не находится на столе». По сути дела, это и есть наше исходное тождество, только записанное в обратном порядке²⁰; и в таком представлении его смысл не выходит за рамки нашего воображения. Теперь обратим этот процесс. Когда я утверждаю: «Некоторые свиньи, но не черная свинья, не находятся в хлеву?» — что я хочу этим сказать? То, что черная свинья находится в хлеву. В нашем исходном тождестве я всего лишь представил логическое преобразование такого рода как некое изменение, а не просто как другой способ выражения той же самой мысли. Впрочем, даже «изменение»

¹⁸ Сравните эту теорию с учением Герберта Спенсера («Основные начала», часть I) и обратите внимание на явное расхождение между ними. Подробнее об этом различии см. мой очерк «Наука и буддизм». — *Примеч. А. Кроули.*

Герберт Спенсер (1820—1903) — английский ученый и философ-позитивист. В его труде «Основные начала» (1862) выдвигается тезис о существовании непознаваемых первопричин всего сущего.

¹⁹ « $0 \times \infty =$ неизвестное конечное число».

²⁰ «Неизвестное конечное число = $0 \times \infty$ ».

— не совсем точное слово, потому что в нашем сознании изменения неразрывно связаны с идеей времени. Но, с другой стороны, само это тождество остается непостижимым для рационального ума — хотя и не для мышления в целом. Также примите во внимание, что высказывание «Отсутствие книг не находится на столе» можно преобразовать только в «Некоторые книги находятся на столе», но не во «Все книги находятся на столе». Это частное, а не общее высказывание. Это адвайтисты морочат нам голову, пытаются выдать его за общее; а ведь многим школьникам доставалось на орехи и за куда менее грубые ошибки.

Есть и другой способ доказательства — доказательство методом исключения. Выше я доказал — а метафизики, фактически, давно признали, — что и двайтизм, и адвайтизм в равной мере неверны. Следовательно, верна единственная оставшаяся теория — наша (сколь бы маловероятной она ни казалась нам поначалу)²¹.

«Ах, друг мой, мой юный друг, — уже чудится мне укоризненный, полный глубокой мудрости и не без нотки сострадания, голос какого-нибудь христианского священника, снизошедшего до того, чтобы поставить на место безмозглого зарвавшегося юнца. — В чем же, по-вашему, *Причина* этого воистину достопримечательного изменения, о котором вы рассуждаете?»

Именно здесь наша теория и находит убежище за стенами крепчайшего из своих бастионов! Ибо никакой «причины» нет и быть не могло. Если бы 0^0 входил в категорию причинности, упомянутого изменения попросту не произошло бы²².

И в результате — вот они мы, конечные существа, обитающие в конечной вселенной (в которой сами время, пространство и причинность также конечны, каким бы немыслимым это нам ни казалось), наделенные индивидуальностью и окруженные всеми так называемыми «иллюзиями» адвайтистов, на деле ничуть не менее реальными, чем они представляются обыденному сознанию.

Как отмечает вслед за Буддой Шопенгауэр, страдание — неотъемлемое условие существования такого рода²³. Война противоборствующих сил, в которой они сами же стирают себя в порошок до последней мельчайшей частицы, не может не причинять бесконечные мучения. Быть может, в один прекрасный день мы научимся преобразовывать эмоции столь же уверенно и легко, как сейчас преобразуем энергии; и тогда, не пройдет и нескольких лет, как в Чикаго начнут ввозить страдания и перерабатывать их на консервированную лососину; но пока этого не случилось, на практике возможен только обратный процесс.

²¹ Здесь можно отметить, что различие между этой теорией и привычным представлением об имманентности вселенной совершенно очевидно, хотя, быть может, существует лишь на словах. Но преимущество нашей теории — в том, что мы ничего не гипотезируем и, таким образом, избегаем необходимости что-либо объяснять. Вопрос «Как возникло ничто?» не нуждается в ответе. — *Примеч. А. Кроули.*

²² См. «Вопросы царя Милинды», том II, стр. 103. — *Примеч. А. Кроули.*

Имеется в виду диалог «Милиндапанхья» («Вопросы Милинды»), в котором индо-греческий царь Милинда (Менандр), завоевавший значительную часть Северной Индии в середине II века н.э., задает вопросы буддийскому мудрецу Нагасене, а тот в своих ответах излагает основные положения буддийского учения. Кроули ссылается на вопрос №65 в английском переводе Т.У. Риса-Дэвидса (XXXV—XXXVI тома серии «Священные книги Востока», 1890, 1894). Отвечая на вопрос о «том на свете, что не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком», Нагасена говорит: «...пространство <...> не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком, и нирвана <...> не порождена ни деянием, ни причиной, ни сроком», — а затем обосновывает отсутствие причин возникновения нирваны именно невключенностью последней ни в какие категории.

²³ См. также «Эволюцию и нравственность» Гексли. — *Примеч. А. Кроули.*

«Эволюция и нравственность» — лекция, прочитанная английским биологом и философом-дарвинистом Томасом Генри Гексли (1825—1895) в Оксфордском университете и вошедшая в собрание его эссе 1893—1894 годов. Среди прочего, Гексли утверждает: «Страдание есть удел всей семьи одаренных чувствами существ — оно составляет существенную часть космического процесса» (рус. пер. К.А. Тимирязева).

Где же спасение? Можем ли мы рассчитывать, что вся вселенная сама по себе вернется в фазу 0^0 ? Разумеется, нет. Начать с того, что это вовсе не обязательно должно произойти со всей вселенной целиком: с логической точки зрения, нет никакой разницы,

что преобразовывать — x или y . Но, что еще хуже, категория причинности теперь уже сформировалась, и ее инерции вполне достаточно, чтобы составить серьезнейшее препятствие даже на пути столь грандиозного процесса.

Следовательно, стоящая перед нами задача поистине колоссальна. Можно, конечно, усмехнуться, принять все как данность и пустить дело на самотек до тех пор, пока все сущее само по себе не сольется в окончательном единстве, придя в то состояние, о возможности и степени страданий в котором нам остается только гадать. Но стоит ли нам просто ждать, сложа руки?

И тут, наконец, встает в полный рост проблема свободы воли. Не исключено, что сама причинность занимает собственную категорию не полностью²⁴; и тогда в последней остается какое-то место для свободы воли. Если это не так, невелика важность. Даже если я оказался в хорошей ситуации, из этого вовсе не следует, что меня привела в нее свобода воли, — всегда можно заявить, что это было мне суждено. Герберт Спенсер утверждает, что идея свободы воли — самообман; и если это так, то вообще ничего равным счетом не имеет значения. Но если допустить, что Герберт Спенсер ошибается (сколь бы маловероятным это ни казалось), то из этого вытекает, что наш разум все же небесполезен, что нам надлежит искать верный путь и, отыскав, следовать ему. И в этом случае вопрос о том, существует ли свобода воли, тоже оказывается неважным.

Теперь становится понятно, зачем нужны мораль, религия и прочие тому подобные ухищрения. Всё это — методы, которые должны помогать нам вырваться из оков вселенной. Одни из них действуют лучше, другие — хуже, но задача у всех одна.

С вопросом о свободе воли человека тесно связана проблема воли Бога. Многие утверждают, что вселенная подчинена некоему Бесконечному Разуму. Я отвечаю: нет! Никакого такого разума, достойного называться этим именем, не существует. Все законы природы сводятся к одному — к закону инерции. Все сущее движется по пути наименьшего сопротивления; каждый вид живых существ возникает, развивается и вымирает в полном соответствии со своей коллективной инерцией; из этого закона нет никаких исключений (кроме того сомнительного фактора, который мы именуем свободой воли), да и сам закон судьбы тождествен ему не только формально, но и на практике²⁵.

Что касается вопроса о *бесконечном* разуме, то все мало-мальски уважающие себя философы сходятся на том, что всеисилие не совместимо с любовью ко всему сущему. Неопровержимое тому доказательство — само существование вселенной.

Каждому Деисту нужен свой Оптимист; пока они воркуют вдвоем у камелька, все идет чин чинном; но открытое море жестокого мира тотчас разобьет о скалы их утлую лодочку.

Вот почему все те, кто стремится укрепить позиции религии, так упорно пытаются доказать, что вселенная иллюзорна или, по крайней мере, преходяща и относительно несущественна, — и в результате, разумеется, приходят к обычной саморазрушительной путанице, царящей в голове любого адвайтиста.

Именно поэтому заповеди религии и морали жизненно необходимы: они помогают сдерживать хотя бы самые свирепые из тех неуправляемых стихий, что буйствуют равно в природе и в человеке. Ибо там, где нет закона и порядка, мы не находим ни покоя, ни

²⁴ Сама по себе причинность — идея вторичная и, в силу ограниченности ее роли в волевом акте, непостижимая (Г. Спенсер, указ. соч.). Уже одно это соображение добавляет немало веса тем позициям, на которых стоят агностики и, тем паче, буддисты. — *Примеч. А. Кроули.*

²⁵ В главе «Познаваемое» своих «Основных начал» Г. Спенсер перечисляет факты, лежащие в основе этого обобщения, и не доходит до него самого лишь на один шаг. Можно добавить, что этот закон почти, а то и безоговорочно, аксиоматичен, поскольку сформулировать его противоположность было бы невообразимо трудно, если не вовсе невозможно. — *Примеч. А. Кроули.*

средств, необходимых для изучения и обуздания все многообразных составляющих нашей тюрьмы, — то есть, для работы, за которую мы беремся в надежде, что когда-нибудь сможем, наконец, разрушить стены этой темницы и обрести ту свободу, в которой столь бесцеремонно отказало нам великое превращение Нуля в проявленный мир.

Мистические наставления псевдо-Зороастра, Будды, Шанкарчарьи, псевдо-Христа и иже с ними предназначены лишь для исследователей, достигших достаточно высокой ступени и готовых попробовать решить задачу в лоб. Но вершить этот благородный труд мы можем лишь с помощью наших слуг — солдат, законников и правителей всех сортов и мастей; так что презирать этих скромных, но верных помощников величайших умов человечества было бы огромной ошибкой.

Итак, каковы же наилучшие, самые легкие и прямые пути к достижению нашей цели? И как нам поведать на языке смертных о результате, который настолько превосходит любые возможности слов и ставит в тупик даже самое крылатое воображение? Возможно, для начала имеет смысл провести четкую границу между индуистскими и буддийскими методами и целями этой Великой Работы.

Индуистский метод подлинно мистичен в точнейшем смысле этого слова; ибо, как я уже показал, Атман не бесконечен и не вечен: рано или поздно он канет в небытие вместе со всеми прочими силами. Но, мысленно творя некую бесконечную Безличную Личность и *обожествляя* ее как таковую, все религии, за исключением буддизма и, как мне представляется, каббалистического учения, стремятся уничтожить личность собственную. Буддист идет к угасанию прямым путем; индуист же отрицает и отменяет собственную конечность, созидая абсолют.

Поскольку создать абсолют в реальности невозможно, процесс этот остается иллюзорным; однако на ранних этапах он полезен — по крайней мере, вплоть до четвертой стадии дхьяны, к которой и относит его Будда, хотя йоги утверждают, что на этой стадии достигается нирвикальпа-самадхи и что мокша тождественна нирване²⁶. Сомневаться в первом их заявлении я не вижу причин; что же касается второго, то на данный момент я вынужден с ним не согласиться.

Обрисую в общих чертах задачу, которую ставит перед собою буддист-затворник. Ему необходимо собрать воедино все частицы своей сущности и направить их на достижение одной-единственной цели: правильные воззрения, правильные стремления, правильная речь, правильная деятельность, правильная жизнь, правильные усилия, правильная медитация и правильный экстаз²⁷ суть ступени, ведущие его к освобождению, которое, в свою очередь, сводится к борьбе против законов причинности. Он не может сделать так, чтобы действия, совершенные в прошлом, перестали влечь за собой те или иные последствия; но в его силах — предпринимать в настоящем такие действия, которые не повлекут за собой последствий в будущем. Последователи экзотерического христианства и индуизма полагаются, скорее, на то, что эту работу проделает за них кто-то другой, и в результате их еще больше ослепляет жажда жизни и индивидуального опыта — самое грозное из всех препятствий, отрицающее, по сути, главную цель всякой религии. Шопенгауэр доказывает, что воля-к-жизни — гарантия продолжения жизни; так что если Христос (или, допустим, Кришна) сам не уничтожит всех этих лентяев своей божественной силой (а их развелось на свете столько, что подобная задача устроит и само воплощение всемогущества), то я всерьез опасаюсь, что печальным уделом их станет вечная жизнь — а, значит, и вечные страдания, радости и перемены всевозможного свойства. В действительности такие люди — сами себе враги. Впрочем, многие из них возвращают в своих сердцах «бескорыстную», как им кажется, любовь к своему драгоценному Спасителю, а этот процесс, по сути, настолько похож на ранние стадии Великой Работы, что подчас возникает довольно-таки нелепая путаница. И все же эта

²⁶ Подробнее о дхьяне см.: Алистер Кроули. Книга Четыре. Мистицизм и магия. М.: Ганга, Телема, 2008, стр. 68—78.

²⁷ Составляющие «благородного восьмеричного пути» буддизма.

практика иногда приводит кое-кого на истинный Путь Мудрецов, несмотря на всю свою кажущуюся бесперспективность.

Приверженец эзотерического христианства или индуизма выбирает срединный путь. Спроецировав Абсолют из своего сознания во внешний мир, он стремится соединить собственное сознание с сознанием этого порожденного им Абсолюта; и в процессе его личность, естественно, разрушается. Правда, внушает опасения тот факт, что подобные адепты слишком часто вступают на этот путь с намерением расширить и возвеличить свою личность до предела. Но такой метод настолько близок к истинно верному, что эта склонность быстро и как будто самопроизвольно сходит на нет.

(Математический аналог этого процесса — попытки осознать «ничто», постоянно размышляя о четвертом измерении.)

В пользу иллюзорности самой идеи бесконечного Атмана убедительно свидетельствует даже само доказательство существования бесконечного, которое приводит выдающийся ведантист, покойный Свами Вивекананда (не путать с одноименным торговым домом, обосновавшимся на соседней улице²⁸). «Представьте себе круг! — говорит он. — И вы тотчас осознаете, что этот ваш маленький круг заключен в другой круг — бесконечный»²⁹. Ошибка совершенно очевидна: большой круг не может быть бесконечным уже в силу того, что он ограничен малым. Но попытки устранить из этой конструкции малый круг, собственно, и составляют тот метод, которому следует эзотерический христианин, или мистик. И этот метод всегда остается несовершенным: до какой бы степени ни уменьшился малый круг, его отношение к большому все равно будет выражаться конечным числом. Даже если представить себе на мгновение, что подобный Абсолют достигим, вправе ли мы будем утверждать, что связанное с ним конечное ничто на самом деле тождественно тому ничто, которого буддийский архат достигает напрямую? Сообразуясь со своей вышеизложенной позицией, я вынужден ответить на этот вопрос отрицательно. Сознание подлинного Абсолют-валы³⁰ в действительности не сжимается до бесконечности, а, наоборот, до бесконечности расширяется, что он и сам с готовностью вам подтвердит. Да, разумеется, Гегель утверждает, что «чистое бытие есть чистое ничто»; и совершенно верно, что бесконечные жар и холод, радость и страдание, свет и тьма, равно как и все прочие пары противоположностей, уничтожают друг друга³¹; и все же такой Абсолют пугает меня не на шутку! Быть может, радость и страдание в нем представлены в виде чередующих фаз (подобно тому, как 0^0 и бесконечность суть две фазы одного и того же выражения), и все, чем я могу утешаться, — что шансов оказаться на нужной стороне у меня не меньше половины!

Буддисту же не приходится играть в подобную лотерею; он бесконечно *невключен* во все свои категории, хотя сами категории для него все же существуют; фактически, он есть $0^{A+B+C+D+\dots+N}$, и никакие мыслимые перемены ему не грозят, если только он не

²⁸ То есть, со Свами Виве Анандой — мадам Хорос, историю которой можно отыскать в сборниках решений по уголовным делам. — *Примеч. А. Кроули.*

Мадам Хорос — мошенница, выдававшая себя за посвященную 33 высокой степени; подробнее см.: Эллик Хоув. Маги Золотой Зари. М.: Энигма, 2008, стр. 353—356, 409—410.

²⁹ Пересказ рассуждения из 3-й главы труда Свами Вивекананды «Раджа-йога» (1896).

³⁰ *Вала* — тот, кто связан с чем-либо по роду своей деятельности. Так, *джангли-вала* — человек, который живет в джунглях или связан с ними по роду занятий (например, дикарь или лесничий). — *Примеч. А. Кроули.*

³¹ Индуист осознаёт это не хуже прочих и называет Атмана Сат-Чит-Анандой, вкладывая в это понятие, скорее, идею превосходства над всеми противоположностями, нежели гегельянский принцип примирения противоположностей (которое не следует путать с их взаимным отождествлением). Мы отвергли бесконечность как математическую фикцию; но это опровержение было бы применимо к ней и в том случае, если бы мы рассуждали о ней как о Боге. — *Примеч. А. Кроули.*

Сат («бытие»), *чит* («мышление») и *ананда* («блаженство») — в индуизме: характеристики трех аспектов Атмана, в совокупности описывающие его природу. Также термином «Сат-чит-ананда» обозначается трансцендентное бытие вне двойственности как проявление изначального, естественного, духовного уровня, качественно тождественного божественному.

разделит неким невообразимым способом Нирвану на Нирвану же (предположив, что эти две Нирваны обладают одинаковыми категориями) и не придет в итоге к исходному 0⁰. Но для того, чтобы стряслась такая катастрофа, предварительно понадобятся некоторые другие перемены. Короче говоря, наш буддист достаточно надежно застрахован от подобных неприятностей, и можно за него не беспокоиться.

Вот потому-то, по зрелом размышлении, я твердо и осознанно решил искать себе прибежище в Трех Драгоценностях³².

*Намо тасса бхагавато арахато самма самбуддхасса!*³³

И на этом можно закончить все наши рассуждения о классических проблемах философии и религии. В свете такого подхода примиряются все противоречия между ноуменом и феноменом, единством и множеством, и так далее, и остается только один вопрос: как отыскать наилучший путь к достижению Нирваны — к исчезновению всего, что существует, сознает или чувствует; исчезновению полному и окончательному, бесповоротному и совершенному. Ибо только в этих словах и можно описать Нирвану: ведь состояние, превосходящее любую мысль, невыразимо на языке мысли. Так или иначе, с точки зрения мысли это исчезновение абсолютно; рассуждать же более подробно о том, что по сути своей невыразимо, мы не можем, а потому и не станем. Это ответ всем, кто обвиняет Будду, что он вытолкнул своих архатов (и себя) из самма-самадхи и обрек на уничтожение.

Прежде всего, пожалуйста, обратите внимание, что мое решение Великой Задачи допускает сколько угодно различных методов; и все эти методы прекрасно сосуществуют друг с другом, даже если представляются несовместимыми. Карма, реинкарнация, Божественное Провидение, молитвы, жертвоприношения, крещение... места хватит на все! Что же до старой и, я надеюсь, теперь уже окончательно дискредитированной гипотезы о некоей бесконечной сущности, то она, казалось бы, поддерживая все эти методы, на деле их отрицает. А также обратите внимание, что каббалистическое представление о верховном Боге (и бесчисленных иерархиях) легко уживется с нашей теорией, если мы допустим, что этот верховный Бог не бесконечен.

Но вернемся к вопросу об орудиях для нашей работы. Самые продвинутые из восточных йогов, под стать нашим местным нонконформистам, практически отвергли ритуал, объявив его бесполезным. Но хотел бы я знать, чем эти раскольники умудрились его заменить! С моей точки зрения, это ошибка — для всех, кроме йогов, на деле достигших самых высоких ступеней. Ибо подлинный магический ритуал исключительно ценен и оказывает самое прямое действие, хотя его предназначение (по крайней мере, в наши дни) толкуют совершенно превратно.

Кто отважится утверждать, что медитация — не единственное средство для постижения непосредственных причин нашего бытия? Да никто! Если кто-то возразит, что предпочитает полагаться на какого-нибудь обожествленного Спасителя, я отвечу попросту, что он и есть тот самый никто.

Итак, наше верное средство — медитация; но это средство следует признать крайним. Что я имею в виду? Колонка объявлений в «Таймс» — это крайнее средство разыскать того джентльмена, который в прошлый понедельник присутствовал на званом вечере в «Карлтон-клуб», был при этом во фраке, в коричневом котелке и при зеленом галстуке и весь вечер жевал соломинку. О да, средство выше всяких похвал! но едва ли им воспользуется при прочих равных какая-нибудь слониха, жаждущая отыскать слона своей мечты среди джунглей Цейлона.

Медитация — это средство не для каждого; способности к ней имеются не у всех, а практические возможности — и вовсе у считанных единиц (по крайней мере, на Западе).

³² *Три Драгоценности* (Триратна) — столпы буддийского учения: Будда, дхарма (закон, который Будда открыл людям) и сангха (община буддийских монахов).

³³ «Слава Тебе, Благословенный, Совершенный, Просветленный!» — *Примеч. А. Кроули.*

В любом случае, то, что на Востоке называют «сосредоточенностью на одном», — обязательная предпосылка даже для начальных стадий настоящей медитации. А необходимость в поистине стальной воле возникает еще раньше.

Под медитацией я подразумеваю не просто размышление на какую-либо тему, пусть даже сколь угодно глубокое, а полную сосредоточенность ума на созерцании одного-единственного объекта (плотного, тонкого или абсолютно духовного — не имеет значения).

Но в точности на эту же самую цель направлена и подлинная магическая церемония — великолепный гимнасий для тех, кто еще не стал настоящим атлетом в области дисциплины ума! Количеством и содержанием своих действий, речей и мыслей во время церемонии маг постоянно указывает на один и тот же объект. Каждое окуливание, очищение, изгнание, призывание и вызывание — это, прежде всего, напоминание о единой цели; и они повторяются до тех пор, пока не приходит миг кульминации и маг всеми жилами своего тела и всеми силами души не устремляется к этой желанной цели в едином, всепоглощающем порыве Воли. Таков истинный смысл всех причудливых, на первый взгляд, указаний Соломона, Абрамелина и прочих прославленных мудрецов. Если человек сумел вызвать и подчинить себе Тафтаргарата, Белиала, Амаймона и так далее, если он сумел овладеть великими силами стихий, то ему смело можно переходить к попыткам прекратить всякое мышление. Ибо, как известно, вся вселенная, включая и самого мыслителя, существует лишь благодаря его мышлению³⁴.

Магия — превосходная учебная площадка для будущего архата еще и в другом отношении. Истинные символы по-настоящему пробуждают те макрокосмические символы, образами которых они являются, поэтому работа с ними помогает существенно увеличить магический «потенциал» (воспользуемся здесь этим термином из науки об электричестве).

Безусловно, встречаются и вредные или бесполезные практики, ведущие не столько к обретению контроля над содержимым ума, сколько к его рассеянию или бессмысленному возбуждению; от таких нам следует отказаться. Но подлинный магический ритуал существует и, более того, являет собою главную из сокровенных тайн прикладного трансцендентализма как на Востоке, так и на Западе. Нет нужды пояснять, что я не открыл бы здесь эту тайну, даже если бы знал.

Вот потому-то я и утверждаю, что каббалистическая традиция ценна и в своей практической части, а не только в тех возвышенных интеллектуальных сферах, по которым мы только что совершили столь многотрудное путешествие.

Йога состоит из восьми ступеней: нравственность и добродетель в сочетании с властью над телом, мыслью и силой ведут к сосредоточению, медитации и экстазу.

Лишь достигнув последних трех ступеней и очистив их от плотных и даже тонких объектов работы, архат сможет воспринять и уничтожить первородные — возникшие без отца и матери и взошедшие без семян — причины продолжения бытия и обрести твердое знание о том, что в конце концов он непременно и окончательно растворится в Нирване. И уже здесь, в этой юдоли страданий, где он вынужден оставаться до тех пор, пока старые

³⁴ Западную версию этого принципа, на Востоке давно ставшего общим местом, см. у Беркли и его толкователей. Как ни странно, Гексли тоже утверждает этот факт, причем почти в тех же самых словах.

Мне приходило на ум, что систему веданты можно мистическим образом превратить в буддийскую при помощи следующего силлогизма:

Бог = Бытие (Патанджали)

Бытие = Ничто (Гегель)

Бог = Ничто (буддизм).

То же самое можно выразить на языке религии: никто не станет отрицать, что монотеизм, облагороженный при помощи символа ∞ , становится эквивалентен пантеизму. А пантеизм по сути своей тождествен атеизму, с чем без труда согласятся, в первую очередь, противники того и другого.

Если эту мысль уже высказывал кто-нибудь до меня, приношу свои извинения: все эти тождества слишком уж очевидны. — *Примеч. А. Кроули.*

причины, семена которых уже упали в землю и дали всходы, не исчерпаются полностью (ибо даже сам Будда не смог бы повернуть Колесо Закона назад), его омывает бездонный океан предвкушения этой Нирваны — предчувствия великого блаженства, которого он непременно удостоится в конце пути.

ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ.

© *Перевод Анны Блейз, 2010*
для сайта <http://oto.ru/>